

Генсек умер – да здравствует генсек!

10 марта в 19.40 Генсек К.У. Черненко скончался. Министр здравоохранения Е. Чазов вспоминает: «Последние дни перед этим Черненко находился в сумеречном состоянии, и мы

⁶⁰⁰ «Наше дело», 1990, N 4, С. 7.

⁶⁰¹ Гришин В.В. Указ. соч. С.293–294.

⁶⁰² Раззаков Ф. Указ. соч. С. 259.

⁶⁰³ Болдин В. Указ. соч. С.239.

понимали, что это — конец. Сердце остановилось под вечер. Помню, что уже темнело, когда я позвонил Горбачеву на дачу, так как это был выходной день, и сообщил о смерти Черненко. Он был готов к такому исходу, и лишь попросил вечером приехать в Кремль на заседание Политбюро, чтобы рассказать о случившемся»⁶⁰⁴.

Итак, Горбачев узнал о случившемся первым, что давало ему возможность удерживать инициативу в своих руках, тем более, что «кронпринц» «был готов к такому исходу» благодаря регулярным консультациям с Чазовым. Необходимо было срочно приниматься за дело, так как, по более позднему признанию Горбачева, «был готов другой кандидат»⁶⁰⁵.

Сторонники Горбачева действовали стремительно, несмотря на глухое недовольство части секретариата ЦК: «Когда я заявился в «предбанник» перед залом заседаний Политбюро, там уже толклись взволнованные секретари... — вспоминает Н. Рыжков, — Помню, кто-то спросил неуверенно: не слишком ли быстро собираемся, может, стоит хотя бы из приличия выждать денек? А кто-то ответил: нельзя терять ни минуты, надо такие вопросы решать с ходу, промедление смерти подобно»⁶⁰⁶.

Пока вожди второго сорта толклись в «предбаннике», полные члены Политбюро не торопясь беседовали отдельно. Эта процедура неформального общения кремлевских олигархов в ожидании кворума была обычной и не предполагала согласованного решения до официального заседания⁶⁰⁷. Утром 11 марта Горбачев сообщил прилетевшему из Югославии В. Воротникову, что вопрос о Генсеке не обсуждался на Политбюро. Но по телефону Горбачев обсуждал свою кандидатуру с несколькими членами ареопага⁶⁰⁸.

В 9–30 вечера собралось Политбюро, на котором сторонники Горбачева разыграли изящную комбинацию, закрепившую преимущество антиведомственной коалиции в этот решающий момент. После доклада Чазова о смерти Черненко и решения о проведении завтра пленума ЦК стали обсуждать вопрос о председателе похоронной комиссии.

«Горбачев, как бы советуясь, сказал:

— Ну, если мы комиссию утвердили, надо бы избрать и председателя...

В зале заседаний ПБ вдруг повисла тишина, — вспоминает Лигачев, — Сейчас мне трудно вспомнить, сколько времени длилась та явно нервная и ненормальная пауза, но мне она показалась бесконечной. Вопрос, поставленный Горбачевым, в некотором смысле был ключевым. Все понимали, что избрание председателя похоронной комиссии — это как бы первый и весьма недвусмысленный шаг к избранию Генерального секретаря ЦК КПСС»⁶⁰⁹. По установившейся в 80–е гг. традиции на похоронах Генсека председательствовал его преемник. По словам Гришина Горбачев предложил возглавить похоронную комиссию ему: «Мне предложил председательствовать. Я сказал, что это было бы неприлично. Комиссию

⁶⁰⁴ Чазов Е. Указ. соч. С.210–211.

⁶⁰⁵ «Куранты». 17.1.1991

⁶⁰⁶ Рыжков Н.И. Указ. соч. С. 78

⁶⁰⁷ Сам факт отдельного общения членов Политбюро после смерти Черненко породил в журналистской среде версию о том, что среди полных членов Политбюро произошел раскол, и часть присутствующих поддержала Гришина. Эта драматическая история соответствовала журналистским вкусам и оттеняла судьбоносность выбора 10 марта. (См. Геллер М. История России. М., 1995. С.15; Зенькович Н. Тайны уходящего века. Власть, распри, подоплека. М., 1998. С.392–398). О подобном столкновении было бы выгодно рассказать и самому Михаилу Сергеевичу, но он категорически отрицает этот факт. Предварительно Горбачев беседовал только с Громыко (Горбачев М. Указ. соч. Т.1. С.264.).

⁶⁰⁸ Воротников В. Указ. соч. С.57.

⁶⁰⁹ Лигачев Е. Указ. соч. С.57.

должен возглавить тот, кто замещал прежде Генерального секретаря»⁶¹⁰. После этого Гришин добавил: «А почему медлим с председателем? Все ясно. Давайте Михаила Сергеевича»⁶¹¹. После этого Громыко провозгласил, что комиссию возглавит Горбачев.

Теперь партия была уже почти выиграна, и можно было подумать о грядущем правлении. Р. Горбачева вспоминает, как на прогулке с ней 10 марта Горбачев говорил, что «реализовать что-то крупное, масштабное, назревшее — невозможно. Как будто стена. А жизнь требует, и давно. Нет, — услышала я, — так дальше жить нельзя»⁶¹². Но по традиции Горбачев делал вид, что ничего еще не решено. Долгих, встретивший Горбачева на заседании Политбюро, спросил, готова ли «тронная речь». «Горбачев засмеялся и ответил, что он назначил людей писать речь для того, кто будет назначен, чтобы ее произнести»⁶¹³.

Отсутствие Щербицкого и Кунаева «вежливо учли: назначили вторичное заседание ПБ — перед пленумом, который состоялся на следующий день, в понедельник»⁶¹⁴. Кунаев приехал, но изменить соотношение сил было уже невозможно. Н. Рыжков даже утверждает, что уже 10 марта было принято принципиальное решение избрать Горбачева Генеральным секретарем⁶¹⁵. Однако воспоминания четы Горбачевых, Воротникова, Гришина и протокол заседания Политбюро от 11 марта подтверждает, что судьбоносное решение было официально принято в этот день. 11 марта, упомянув о присутствии на заседании всех членов Политбюро, кроме Щербицкого (следовательно, Кунаев уже приехал), Горбачев поставил на обсуждение «вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС». В первый день решили вопрос о назначении Горбачева председателем похоронной комиссии, что традиционно делало его той кандидатурой, с которой следовало начать обсуждение «вопроса о Генсеке». Первое решение во многом предопределяло второе, и поэтому Рыжков мог совместить в памяти оба события и отнести их к одному дню.

На решающем характере событий 11 марта настаивает и Е. Лигачев: «Опять Горбачев сел в торцевой части стола заседаний, но не по центру, а сдвинувшись в сторону от места председательствующего. Он понимал, что сейчас разговор пойдет именно о нем, и именно ему предстояло этот разговор начать.

После небольшой паузы Михаил Сергеевич сказал:

— Теперь нам предстоит решить вопрос о Генеральном секретаре. В пять часов назначен Пленум, в течении двух часов мы должны рассмотреть этот вопрос.

И тут поднялся со своего места Громыко.

Все произошло мгновенно, неожиданно. Я даже не помню, просил ли он слова или не просил... Все сидели, а он стоял! Значит — первое слово — за ним, первое предложение о кандидатуре Генсека внесет именно он.

Крупная фигура как бы нависала над столом, я бы даже сказал — подавляла. Андрей Андреевич заговорил хорошо поставленным, профессиональным так называемым дипломатическим «голосом»:

— Позвольте мне высказаться, — начал он. — Я много думал и вношу предложение

⁶¹⁰ Интервью В.В. Гришина. «Вторая русская революция». 1 серия.

⁶¹¹ Горбачев М.С. Указ. соч. С. 265.

⁶¹² Горбачева Р. Я надеюсь... М., 1991. С.13.

⁶¹³ Интервью Долгих съемочной группе фильма «Вторая русская революция» (не попало в фильм). Цит по: Brown A. Gorbachev factor. Manuscript. P.48. Цитирование с согласия автора.

⁶¹⁴ Рыжков Н. Указ. соч.С. 79.

⁶¹⁵ Там же.

рассмотреть на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кандидатуру Горбачева Михаила Сергеевича»⁶¹⁶.

Право Громыко назвать кандидата определялось его статусом в Политбюро. Только он, Тихонов и Гришин были ветеранами ареопага и по неписанной традиции могли взять слово первыми. Но Тихонов не имел на тот момент подготовленной кандидатуры, кроме собственной. А его самого мог предложить лишь кто-то другой. Но влиятельный член брежневского клана Щербицкий, с которым можно было договориться, так некстати уехал в США. Гришин оказался «на крючке» у «молодежи». Громыко, после некоторых колебаний, решил остановить свой выбор на Горбачеве, предопределив исход борьбы за власть 1984–1985 гг. Накануне Горбачев позвонил Громыко:

— Андрей Андреевич, надо объединять усилия: момент очень ответственный.

— Я думаю, все ясно.

— Я исхожу из того, что мы с вами сейчас должны взаимодействовать⁶¹⁷.

Решив поддерживать Горбачева, Громыко мог только лично предложить кандидатуру. Поручить такую ответственную задачу менее влиятельной фигуре означало поставить все дело под угрозу.

«Не исключаю, что именно выступление Громыко и предредило предельно спокойный ход заседания: никто из стариков даже слова против не сказал»⁶¹⁸. «Были и те, кто не хотел Горбачева. Как-то незадолго до кончины генсека Чебриков, возглавлявший в то время КГБ, поделился со мной содержанием своей беседы с Тихоновым, пытавшимся убедить его в недопустимости моего избрания на пост Генерального секретаря. Чебрикова поразило, что Тихонов никого, кроме меня, не упоминал:

— Неужели сам претендовал на это место? — подумал он, — рассказывает Горбачев»⁶¹⁹. Но, взвесив соотношение сил, Тихонов не решился на борьбу. Не стал он и готовить выдвижение Романова, которого кремлевские старцы опасались больше, чем Горбачева. Если кто-либо выступил бы против, то при сложившемся соотношении сил в Политбюро можно было превратиться в «антипартийную группу». Отсюда и единогласие.

Среди положительных качеств Горбачева Громыко назвал «неукротимую энергию», «умение налаживать отношения с людьми» и большой опыт партийной работы⁶²⁰. Чуткость к кадрам и в то же время способность вдохнуть в партийный механизм новую энергию — это то, что «последний из могикан» ждал от Горбачева.

Когда Громыко получил слово, наиболее нервно вел себя Тихонов⁶²¹. Заранее блокируя возможные (но маловероятные) возражения, Громыко напомнил: «мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-то щель в наших отношениях»⁶²². Раз уж кандидатура Горбачева названа, альтернатива ей возникнуть уже не должна — иначе образуется «щель».

«Щель» не возникла. Выступавшие один за другим поддерживали кандидатуру

⁶¹⁶ Лигачев Е. Указ. соч. С.63.

⁶¹⁷ Горбачев М.С. Указ. соч. Т.1. С.264.

⁶¹⁸ Рыжков Н. Указ. соч. С.79.

⁶¹⁹ Горбачев М.С. Указ. соч. С.266.

⁶²⁰ «Источник» 0.1993 С. 69.

⁶²¹ Черняев А.С. Указ. соч. С.29.

⁶²² Источник. 0. 1993. С.69.

Горбачева, акцентируя внимание лишь на разных ее положительных качествах. Тихонов указал на «контактность» и на то, что «это первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике» (год назад Тихонов категорически утверждал обратное). Гришин обратил внимание не только на знания, принципиальность и опыт, но и «терпимость». Московский руководитель не забыл напомнить Горбачеву о своей роли в его восшествии на престол: «Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, фактически предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам»⁶²³.

За избрание Горбачева выступил и Романов. Но в его речи сквозили нотки, которые вряд ли понравились Михаилу Сергеевичу: «Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственной деятельности. Тон в этой комиссии задает т. Тихонов, а Михаил Сергеевич, опираясь на отделы ЦК, тактично вносит свои предложения, которые в большинстве своем поддерживаются комиссией». Тихонов «задает тон» в обсуждении такого ключевого вопроса, как совершенствование хозяйственного механизма, а Горбачев выступает у него в роли советника, младшего партнера. Но, по мнению Романова, Горбачев сумеет всему научиться, если конечно будет и дальше слушать старших товарищей.

Выслушав длинную череду выступлений, в которой члены Политбюро и секретари ЦК с разной степенью энтузиазма говорили о его положительных качествах, Горбачев с удовлетворением отметил, что «наше сегодняшнее заседание проходит в духе единства». Дабы не нарушать этот дух, в ответном слове Горбачев заявил: «Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее»⁶²⁴. Эта речь была рассчитана на консерваторов, сторонники перемен понимали, что цена слов о неизменности курса не велика.

На пленуме ЦК КПСС, где должно было быть утверждено решение Политбюро, Горбачева снова представлял Громыко. Высшая партийная элита встретила решение Политбюро овацией. Речь Громыко была выдержана в превосходных тонах: «Показал он себя блестяще, без всякого преувеличения». Рассказывая об «обмене мнений» на Политбюро, Громыко сообщил, что «наряду с партийным опытом, а это бесценный дар, подчеркивалось, что это человек принципов, человек сильных убеждений, ... человек острого и глубокого ума». Упомянув о принципах, Громыко подробнее остановился на гибкости: «Ведь часто бывает, что вопросы — «внутренние» и «внешние» — трудно очень рассматривать, руководствуясь законом «черное и белое». Могут быть промежуточные цвета, промежуточные звенья и промежуточные решения. И Михаил Сергеевич всегда умеет находить такие решения, которые отвечают линии партии... Я сам часто поражаюсь его умению быстро и точно схватывать суть дела, делать выводы, правильные, партийные выводы»⁶²⁵. Наступало время «промежуточных цветов».

На всякий случай Громыко и здесь предупредил о недопустимости возражений: «Да, мы живем в такое время, когда на Советский Союз наведены, фигурально выражаясь, разные телескопы... И смотрят, как бы это в советском руководстве найти какие-то трещины. Единодушное мнение Политбюро: и на сей раз мы, Центральный комитет партии и Политбюро, не доставим удовольствие нашим политическим противникам на этот счет. (Аплодисменты)». Но чтобы противники «полутонув» были спокойны, опытный министр добавил: «Очень много раз Михаил Сергеевич высказывался, в том числе на Политбюро,

⁶²³ Там же. С.70.

⁶²⁴ Там же. С.74.

⁶²⁵ «Коммунист». №5. 1985. С.7.

относительно необходимости нам, как говорится, держать порох сухим»⁶²⁶. На Запад попала еще одна фраза из речи Громыко, которая не была опубликована в СССР: «У этого человека хорошая улыбка, но у него железные зубы»⁶²⁷. Возможно, Громыко переоценил зубы Горбачева.

Никаких возражений по поводу избрания Горбачева не возникло, о чем честно и было сообщено миру. Несмотря на это и десять лет спустя авторы некоторых публицистических произведений продолжали сетовать на то, что «советские граждане были оставлены в неведении относительно перипетий и дискуссий, имевших место на пленуме, соперничества различных претендентов на высочайший пост, который сам Горбачев впоследствии сравнивал с монаршиим»⁶²⁸. Однако никаких «перипетий» на пленуме не произошло.

Выступая с «тронной речью», написанной (по указаниям «самого») Медведевым, Яковлевым и Болдиным⁶²⁹, Горбачев заявил: «Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих пленумах ЦК, была и остается неизменной. Это — линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества»⁶³⁰. Ссылка на XXVI съезд носила скорее ритуальный характер — концепция ускорения была в большей степени плодом андроповской эпохи.

Социально-политические силы, считавшие себя победителями в марте 1985 г., в действительности преследовали весьма различные цели, что очень скоро приведет к горьким разочарованиям части элиты, ликовавшей по поводу избрания «молодого Генсека». Прежде всего это касается военных. Им казалось, что динамичный Генсек поведет решительное наступление на фронте внешней политики, что именно ВПК встанет в авангард проповедовавшегося Горбачевым научно-технического рывка. Однако стратегия Горбачева исходила из других приоритетов, и вскоре военные почувствуют себя обманутыми. В итоге коалиция, приведшая Горбачева к власти, стала распадаться на глазах. Из нее выделилось ядро победителей, которое просуществует до 1988 г.

Так кто же привел Горбачева к власти? Кулаков, Андропов, Устинов? Во всяком случае, не западные спецслужбы. **Горбачев, также как Брежнев, Андропов и Черненко, был выдвинут советской системой вертикальной мобильности, которая позволяла человеку из низов оказаться во главе государства. Горбачев был поддержан широкой коалицией правящей элиты, опиравшейся на еще более широкое настроение в обществе: «Так жить нельзя».** Программа прогрессистов была размыта и в целом сформировалась уже при Андропове. Но у Горбачева была своя особенность взглядов по сравнению с Андроповым, выработанная его собственным жизненным путем – негативное отношение именно к ведомственной бюрократии. И эта особенность была характерна не только для Горбачева, а для большинства граждан страны. Не мы привели его к власти. Но немногие из нынешних критиков Горбачева осуждали его курс в 1985–1987 гг. А сегодня тысячи «мудрецов» критикуют свои собственные былые заблуждения, считая их чужими.

⁶²⁶ Там же.

⁶²⁷ Sakwa R. Gorbachev and his reforms, 1985–1990. Cambridge. 1990. P.1.

⁶²⁸ Согрин В. Политическая история современной России. М., 1994. С.8.

⁶²⁹ Горбачев М.С. Указ. соч. Т.1. С.265.

⁶³⁰ Там же. Т.2 С.129.